

Ехал как-то после очередной смены в трамвае и стал невольным свидетелем интересного разговора двух металлургов, — судя по возрасту, не один десяток лет проработавших на комбинате. Участники этого разговора высказали мысли не только интересные, но и в чем-то типичные для большинства ветеранов. О чем же толковали мои соседи по вагону? Какие мысли вызвал их разговор?

Среди людей старшего поколения немало «однолюб». Придя в юности на предприятие, они работают здесь долгие годы, до самой пенсии. И вот настает последний день трудовой биографии ветерана. Всегда ли администрация, товарищи по работе, общественные активисты умеют сделать так, чтобы этот последний день стал таким же памятным, как тот, когда юнцом впервые приходишь в цех? Всегда ли проводы на заслуженный отдых становятся событием

РАЗГОВОР ПОСЛЕ СМЕНЫ

— и для ветерана, и для тех, кто его провожает?

Подумалось: прав мой попутчик. Не везде умеют так организовать проводы ветеранов. Частенько бывает, что приходит человек в цех, а пенсионное удостоверение ему вручают... в табельной. Рядовой факт. Какой след он оставит в душе ветерана? Конечно, для коллектива, где работают многие сотни человек, уход одного — двух на пенсию — событие не самое главное и заметное. Хотя — как сказать.

Мы много говорим и слышим, что сейчас обостряется проблема кадров. Отчасти это верно. Но, думается, в гораздо большей мере эта проблема создается нами самими. От того, как чувствует себя человек в коллективе, зависит, станет ли этот коллектив для каждого работника родным,

куда идут, как в семью — со своими радостями и невзгодами. И если здесь действительно, как в семье, — каждый на виду, каждый дорог, — в таком коллективе едва ли станет острой та самая проблема кадров. И едва ли здесь человек, получив пенсионное удостоверение, поспешит оформить пенсию и порвать с прежним местом работы. Именно местом, а не с коллективом, потому что в хорошем коллективе умеют и новичка встретить, и «старичка» проводить тепло, без формализма...

Знаю многих, кому по возрасту полагалось бы находиться на заслуженном отдыхе. Ведь он действительно заслужен. Но эти люди остались в рабочем строю, продолжают отдавать свой опыт, свои знания, да и силы работе в родном коллективе. Пример

ров мог бы привести сколько угодно. Вот один. В нашем листопрокатном цехе № 3 уважаемый человек — Василий Павлович Зрожевский. Второй год после достижения положенного возраста, да и при таком стаже, как у него, мог бы спокойно отдыхать. А он по-прежнему работает резчиком на агрегате продольно-поперечной резки № 1, да еще как работает!..

А разговор в трамвае идет дальше. Мои соседи толкуют о формальностях при оформлении пенсии. И снова подумалось — а ведь во многом и здесь правы мои попутчики. Знаю немало примеров, когда люди вынуждены не по одному разу навещать работников райсобеса, чтобы получить или оформить нужную бумагу, подтвердить какие-то моменты своей биографии. Приходится иногда под-

тверждать справками даже те факты, которые отражены в трудовой книжке. Зачем это? Понимаю, что решить такой вопрос кадровики нашего комбината не полномочны. Но ведь можно бы и обратиться в соответствующие инстанции.

Наконец, последний виток разговора. «Вот я — ветеран труда комбината, — говорит один из попутчиков. — А на моем удостоверении — три ордена, потому что оно выдано было несколько лет назад. Через полгода собираюсь на пенсию. Так что ж, получится, что до четвертой награды комбината я не доработал? А ведь в том, что наш коллектив удостоен ордена Октябрьской Революции, есть и доля моего труда. Может, догадаются обновить старые удостоверения, чтобы на них были все награды комбината?..»

И опять подумалось — прав сосед по вагону! На первый взгляд — мелочь. Но мелочь ли — внимание к человеку? Мелочь ли — воздать ему по справедливости за честный труд? Ведь действительно, за последние полтора года многим ветеранам были вручены удостоверения старого образца. А люди-то эти и сегодня — в рядах металлургов Магнитки. И разве правильно вручением старых удостоверений как бы отстранять их от заслуг всего коллектива комбината? От их собственных заслуг.

Понимаю, что в этом разговоре и мыслях, услышанных в вагоне трамвая и полностью поддержанных автором этих строк, есть спорные моменты. Что же, давайте поразмыслим вместе, а, может, и поспорим. Тема-то важная, и предложений может появиться много.

И. ЧЕЦКИЙ,
ветеран труда ММК.

Коллектив шестого листопрокатного цеха отправляет свою продукцию по многим адресам нашей страны и в другие страны. Успешная отгрузка во многом зависит от коллектива участка сортировки и сдачи металла, которым руководит бригадир Юрий Иванович Новиков.

Старейший труженик цеха ударник коммунистического труда Ю. И. Новиков, умело организуя труд своих товарищей, обеспечивает своевременную отгрузку продукции потребителям и высокую ее качество.

На снимке: Ю. И. Новиков.



ДАЕМ В ЛЕТО

Представим себе ситуацию: в горячем цехе рабочему вдруг захотелось попить газированной воды. Подходит он к сатуратору, нажимает на кнопку, а вместо воды — только шипенье и бульканье. Углекислый газ кончился.

С кем из нас не случалось подобного? Пусть не в горячем цехе а на оживленной городской улице, когда, стоя у неисправного автомата, мы недоумевали, почему не работает, кто причастен к этой негазированной воде.

ИСТОРИЯ С ГАЗОВЫМИ БАЛЛОНАМИ

А претензии предъявить ни к кому не можем, потому что попросту не знаем, откуда берется углекислый газ.

А берется он с углекислотной станции кислородно-компрессорного производства комбината, единственной станции на Южном Урале. Заказчиков у нас очень и очень много. Это и торг города, и промышленные предприятия, и, конечно же, наш комбинат — самый крупный заказчик. Ежедневно в его цехи в летнее время отправляется 180 баллонов с углекислым газом.

Но газ нельзя получить из воздуха. Нужен поставщик, регулярно дающий химические фракции, содержащие в своем составе углерод. Такой поставщик у станции есть — обжимный цех № 3. Именно отсюда, с нагревательных колодцев подается на станцию дымный газ, из которого затем и выделяется нужный продукт. Чем больше

в этом газе процентное содержание углерода, тем лучше работает станция. Оптимальное содержание CO_2 в дымном газе должно составлять 12—14 процентов. Если оно будет ниже, скажем, наполовину, то и баллонов с углекислым газом станет наполовину меньше. А отсюда следует вывод: заказчики недополучат нужный продукт. Прервется сварка с применением углерода, останутся ряд технических мощностей, «питающихся» углекислым газом...

Последствия нежелательные. Но вот что интересно: в последнее время дымный газ подается на станцию с 4—5 процентами CO_2 вме-

сто в этом газе процентное содержание углерода, тем лучше работает станция. Оптимальное содержание CO_2 в дымном газе должно составлять 12—14 процентов. Если оно будет ниже, скажем, наполовину, то и баллонов с углекислым газом станет наполовину меньше. А отсюда следует вывод: заказчики недополучат нужный продукт. Прервется сварка с применением углерода, останутся ряд технических мощностей, «питающихся» углекислым газом...

сто положенных по технологической инструкции двенадцати—четырнадцати. Кислородники еле-еле сводят концы с концами, теряют в зарплате. Естественно, они обращаются в обжимный цех № 3 с просьбой улучшить технологию подачи дымного газа.

Что же представляет из себя эта технология? От каждой из четырех групп нагревательных колодцев тянется к станции трубопровод. Нагревательщики металла должны следить за тем, чтобы необходимые для получения углекислого газа фракции не испарялись в воздух. У них есть, вернее, была до недавнего времени прямая связь с работниками углекислотной станции. Последние, заметив недостаточное содержание углекислого газа, просили нагревательщика подрегулировать систему. Он обязан был это сделать, поскольку за каждые двадцать наполненных баллонов получал и продолжает

получать по 1 рублю. В итоге за месяц выходит довольно приличная денежная добавка к зарплате, компенсирующая усилия на поддержание системы в норме. Если же нагревательщик видит, что «ловить» здесь больше нечего, он просит работников станции переключиться на другую группу нагревательных колодцев, благо их целых четыре. Эта система может работать в двух режимах: ручном и автоматическом. Автоматический режим не позволяет перегреваться слиткам, но не улавливает нужное количество углекислого газа, ручной же, напротив, дает CO_2 столько, сколько необходимо, но от

Решили проверить связь. У кислородчиков система оказалась в порядке, а у обжимщиков все громкоговорители сняты. По обоюдному согласию сторон, потому что в последнее время по связи все чаще и чаще слышался такой диалог:

— Что-то плохо баллоны наполняются, посмотрите, в чем причина.

— Ну, а я при чем? Переключайся на другую группу.

А кислородчикам невыгодны бесконечные переключения. На этой операции теряется время, чтобы станция вновь вошла в заданный режим работы, нужно, как минимум, час-полтора. Обжимщики, вместо того, чтобы помочь своим смежникам, в последнее время все чаще и чаще отмахиваются от них, как от назойливой мухи, пытаются искать причину конфликта между двумя службами где угодно, только не у себя. А вот если бы каждый, имеющий отношение к системе подачи дымного газа, исполнял свои обязанности так, как нужно, если бы не было местных интересов, не пришлось бы, наверное, комсомольским проектористам кислородно-компрессорного производства и управления главного энергетика искать виновных в этой истории с газовыми баллонами.

— Сейчас даем в смену по 50—55 баллонов, — говорит старший мастер ККЦ № 1 В. П. Бондарев. — Примерно на столько же баллонов не выполняем суточное задание. Подводит нагревательщики из обжимного цеха № 3.

И. КОНОНОВ.

ГОТОВЬ СЕБЕ СМЕНУ

ШКОЛА ОСИПОВА

Наставник. Это слово вошло в наш обиход сравнительно недавно. Раньше говорили по-другому — инструктор, хотя суть дела была одна и та же — показать новичку приемы производительного труда, «поставить» ему руку. В то далекое время каждый рабочий, как и сегодня, постигал свое ремесло именно через своих старших товарищей.

Пятнадцатилетнему Андрею Осипову тоже пришлось в 1939 году пройти школу работы у своего наставника. Но недолго продолжалась эта учеба. В грозном сорок первом Осипов сам стал инструктором, учил своих сверстников, эвакуированных из других городов, токарному делу. Всю войну простоял у строгального станка, работал по двенадцать часов в сутки, нередко приходилось даже ночевать в цехе. Особенно тяжело было приехать, и Андрей как мог помогал им и в работе, и в быту.

С тех пор, наверное, и начали развиваться в нем качества наставника. А через несколько лет, когда Андрей Николаевич Осипов стал уже мастером электроремонтного цеха, наставническая работа превратилась для него в потребность. Собственно, иначе и не могло быть, ведь мастер — прежде всего воспитатель. Как воспитывать молодежь, так она и работать станет. В то время интенсивно шла смена поколений, и Осипову приходилось принимать под начало целые партии новичков. К каждому нужен свой подход, свой «ключик». Нередко бывало так: учит-учит мастер молодого рабочего, а тот, поработав с полгода, уходит из цеха. На его место приходит другой, и начинается все сначала.

Андрей Николаевич достает табельную ведомость 60-х годов (в цехе сейчас готовят экспонаты для будущего музея) и очеркивает красным карандашом своих учеников. Почти вся ведомость становится красной. А в цехе сегодня работают лишь единицы: Владимир Федорович Лебедев, ставший мастером, Анатолий Федорович Пучков, слесарь... Обидно? Конечно же. Другой на месте Осипова давно бы опустил руки. А он усиленно ищет новые

формы работы с молодежью.

Тесные связи сегодня между электроремонтниками и подшефным СГПТУ № 41. Рабочие берут здесь на уроках, принимают участие в различных мероприятиях, а ребята — частые гости в цехе. Работа с будущей рабочей сменой начинается еще в училище. Андрей Николаевич здесь тоже не последний человек — помнит, как сам налаживал эти связи, как укреплял их.

Кстати, в училище практически не бывает недоборов. И вот почему. С недавних пор особое внимание в цехе обратили на профориентационную работу. Рабочие уже не удивляются частым экскурсиям в цех школьников. Только в прошлом году здесь побывало более 800 старшеклассников. И пусть ЭРЦ — не мартен, не домна, куда так и тянет ребят романтика, многие из них все-таки после школы подают документы в сорок первое училище. Чтобы стать именно электроремонтником. Видно, рассказ Андрея Николаевича, который отдал цеху почти 45 лет жизни — так, здесь и работал с 1939 года, — дает свои плоды.

Заканчивают ребята училище и вновь встречаются с Андреем Николаевичем Осиповым, ведь он является членом общественного отдела кадров цеха. И продолжает работу с молодежью, продолжается помощь новичкам. Андрей Николаевич сегодня возглавляет технический отдел цеха, но и здесь его не оставляют в покое. Кто-то идет сюда за технической помощью, Осипов, кроме того, является одним из лучших рационализаторов ЭРЦ, кто-то просто поделиться жизненными планами...

Работа напряженная, что и говорить. Но Андрей Николаевич никогда не боялся ее. И рядом с правительственными наградами за доблестный труд соседствуют еще одна — знак заслуженного мастера в н и к а РСФСР. Но не награды главное. Главное — его ученики, которые, где бы ни работали, всегда будут помнить школу Осипова. Школу наставничества с большой буквы.

К. ИГОРЕВ,